

Н.В. БОРИСОВА, К.А. СУЛИМОВ
ВОСПРОИЗВОДСТВО ВЛАСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ПРЕЕМНИЧЕСТВО КАК ИНВАРИАНТ?*

Активизация публичной политической жизни в России в конце 2011 – начале 2012 г. была непосредственно связана с выборами – сначала депутатов Государственной думы, потом Президента РФ – в относительно инструментальном контексте их чистоты, честности, отсутствия фальсификаций. По мере исчерпания электоральной повестки акцент в публичной политике, которая при этом меняет свои формы, круг участников и градус напряжения, сместился к так называемой политической реформе, разворачивающейся по нескольким направлениям: радикальное изменение некоторых условий государственной регистрации политических партий, относительная трансформация избирательной системы и возможное установление прямых выборов высших должностных лиц субъектов РФ.

Одной из проблем, структурирующей современный российский политический дискурс в этих меняющихся условиях, оказывается воспроизводство власти, прежде всего на национальном, но теперь – с появлением на горизонте ожиданий возможности восстановления прямых выборов губернаторов – и на субнациональ-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Институт преемника: Модель воспроизводства власти и перспективы модернизации в современном мире», проект № 11-03-00198 а.

ном уровне. Значимость этой проблемы очевидна. Хотя само по себе воспроизводство власти всеми воспринимается как совершенно необходимое, можно видеть, как политический раскол в обществе (степень его глубины сейчас не берем в рассмотрение) связан с акцентуацией одного из двух функционально-смысловых измерений этого процесса. Одна условная сторона постоянно говорит о необходимости мирного и законного воспроизводства власти, при сохранении устойчивого развития страны и при сохранении собственно самой страны в ее нынешней политической, социальной и любой другой значимой конфигурации. Другая сторона акцентирует необходимость обновления курса развития и политики, что связано с появлением в политике новых лиц (эту связь можно понять и как условие обновления, и как знак обновления).

Как представляется, в описании и осмыслении этой проблемы явным образом наблюдается понятийный дефицит. Проще говоря, не хватает слов, чтобы прояснить суть дела, обозначить альтернативы, определить позиции¹. Это касается как политического, так и научного дискурсов. При этом в последние годы появились как минимум два относительно новых политических слова, имеющих прямое отношение к проблеме воспроизводства власти в контексте «соединения несоединимого» – устойчивости и обновления: «тандем» и «преемник», или «преемничество». Оба слова появились из политической практики и ее широкого (т.е. не узкопрофессионального) восприятия. И если «тандем» и в практике, и в словоупотреблении, очевидно, уходит (уже ушел) в прошлое², то «преемник» и «преемничество» еще сохраняют, как минимум, описательную и объяснительную значимость.

¹ Не развертывая здесь тему причин такого положения, можно сказать, что это, видимо, связано с тем, что внутри условного демократического дискурса, которым мы все так или иначе пользуемся, эта проблема не выглядит как проблема, она *как бы* снята, т.е. если есть демократия, т.е. и мирное, устойчивое воспроизводство власти, приводящее к обновлению, и связанное с появлением в политике новых лиц. А если нет демократии, то и говорить не о чем.

² Один из авторов этой схемы передачи власти однозначно констатирует провал замысла: «Вся проблема в том, что четыре года назад нам казалось, что тандем – это такая хорошая форма транзита, а оказалось, что это просто старая русская форма частной сделки, встроенная внутрь конституционной системы и разрушающая ее, естественно» [Павловский, 2012].

Во-первых, потому что три последних случая появления новых лиц (в одном случае – «старого нового» лица) на президентском посту в России – в 2000, 2008 и 2012 гг. – осознаются и осмысливаются, в том числе, в контексте «преемничества». При этом смыслонаделение этого концепта в современном российском дискурсе не сводится к указанию на преемника как на «следующего» (successor) или на «преемственность политики». Скорее речь идет о понимании феномена преемничества под углом зрения «передачи власти». В таком понимании данный политический феномен стал одним из самых значимых в российской политической жизни, во многом определяющим и интегрирующим ее существенные характеристики. Более того, существует вероятность, что таковым он останется и в будущем. Это определяет не только эмпирический, но и концептуальный интерес к данному явлению.

Во-вторых, нам представляется, что понятие «преемничества» позволяет описать и осмыслить не только единичное явление в виде российского случая воспроизводства власти, но и целый класс явлений того же рода, складывающихся в той или иной стране. Именно такая концептуализация (может быть, не вполне осознанно) уже утверждается и в академическом, и в общественно-политическом российском дискурсе. Концепт «преемник» активно используется, например, для описания механизмов воспроизводства власти в странах постсоветского пространства [см., например: статьи в тематическом номере «Политические системы постсоветских стран» журнала «Pro et Contra»: Гарань, 2011; Малашенко, 2011; Попеску, 2011; Рябов, 2011]. Еще более уверенно в качестве варианта «преемничества» трактуется мексиканская практика *dedaco* – «указующий перст» (исп.) [Дабагян, 2006].

Соответственно, в данной статье мы предложим возможную интерпретацию политических процессов воспроизводства власти в Мексике и современной России в контексте преемничества. При этом случай Мексики необходим для верификации используемого теоретического подхода и для того, чтобы оттенить российский случай. Последний в настоящее время продолжает разворачиваться, и это, разумеется, накладывает определенные ограничения на возможности анализа, тогда как политическая история Мексики дает богатый эмпирический материал, связанный с длительным функционированием института *dedaco* (с 1930-х до конца 1990-х годов).

Здесь обнаруживаются самые разнообразные ситуации преемничества, многие из которых явно проецируются на Россию. В одних ситуациях мексиканские президенты, оставляя власть преемнику, уходили с политической арены, а в других сохраняли ведущие позиции и даже занимали официальные должности на уровне правительства. Мексиканский случай демонстрирует возможность не только персонифицированного, но и деперсонифицированного преемничества, когда ведущую роль в определении преемника играет не сам президент, а элитная верхушка. На мексиканском примере, наконец, можно попытаться зафиксировать возможный (в том числе в России?) цикл института преемничества: зарождение – эволюция – прекращение. Но логика этого цикла указывает лишь на возможные альтернативы и закономерности, не делая их обязательными для России. Речь в статье, таким образом, идет лишь об оттачивании исследовательского инструментария, будущее России может быть решено только политически.

Концептуализация преемничества

Прежде всего, обозначим наш подход к самому понятию «преемничество»¹. Концептуализация преемничества как модели воспроизводства власти в нашей логике предполагает два этапа [подробнее см.: Панов, Сулимов, 2011].

Во-первых, определяется место этой модели среди возможных типов воспроизводства власти, различающихся природой отношений между властью и обществом. Представляется принципиальным, что преемничество, как и любой иной тип воспроизводства власти, характеризуется не процедурными особенностями (из основных: назначение, наследование и выборность, есть и множество других), а тем, кто является субъектом принятия решения о том, кто будет «следующим» лидером. Процедурная сторона, разумеется, имеет значение, однако на уровне эмпирической очевидности понятно, что одна и та же процедура может иметь различное смысловое значение в разных условиях. В современных обществах процедура

¹ Этот подход в теоретической и эмпирической плоскости разрабатывается группой исследователей на кафедре политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. Более подробно о первых результатах см.: [Панов, Сулимов, 2011; Гуляева, 2011; Мяленко, 2011].

выборности фактически стала обязательным механизмом для легитимации решений, которые принимает правящая элита, но смысловой характер реализации выборности может сильно отличаться.

Поэтому, на наш взгляд, наряду с процедурным аспектом воспроизводства власти необходимо выделять иной аспект, в котором фиксируется не форма, а существо проблемы, а именно – природа отношений между властью и обществом, связанная, по сути, с типом господства. Опираясь на веберовскую типологию господства, можно выделить два базовых типа воспроизводства власти – архаический и демократический, – соответствующих традиционному и рационально-легальному типам господства, а также третий тип – элитистский, который занимает в этом ряду «промежуточное» место. Учитывая, что традиционный тип господства в современных обществах практически не встречается, основное смысловое и политическое напряжение сегодня разворачивается в пространстве между демократическим и элитистским типами воспроизводства власти. Ключевое различие между ними состоит в разной *структуре решения о наделении властью*.

В демократическом типе структура решения включает два последовательных самостоятельных этапа (последовательных в логическом плане, а в жизни их соотношение очевидно сложнее), т.е. два разных решения: а) принятие персональных решений политическими элитами (наиболее типичный случай – выдвижение кандидатов), б) легитимация того или иного решения элиты народом (чаще – электоратом, т.е. на выборах).

Об элитистском типе можно говорить в том случае, если структура решения включает один содержательный этап, а именно принятие решения политической элитой (элитами). То есть речь идет о том, что элита (элиты) по тем или иным причинам обладает мандатом на оба решения сразу. При этом в современных условиях реализация этого мандата, как правило, требует процедурного участия народа, что и осуществляется на выборах, на которых *как бы* «все решено заранее».

Во-вторых, на следующем этапе концептуализации преемничества проводится различие между моделями воспроизводства власти в рамках одного, элитистского типа, а именно между преемничеством и захватом власти. Для обеих моделей характерна ключевая черта элитистского типа – субъектность правящей элиты,

обладающей исключительным (исключается народ как субъект решения) мандатом на решение о наделении властью. Разница между ними определяется характером отношений внутри правящей элиты, прежде всего, имеют значение отношения между «действующим лидером» и правящей группой, а также отношения с возможной контрэлитой. Исходя из этого, мы полагаем, что второй существенной характеристикой модели преемничества является относительное согласие внутри власти (правлящей элиты) относительно кандидатуры «следующего» лидера, что позволяет провести передачу власти по крайней мере без противодействия «изнутри». И наоборот – модель захвата власти предполагает внутренний или внешний элитный конфликт, за победителем в котором все равно остается исключительный мандат на решение вопроса о наделении властью.

Итак, под преемничеством понимается такая модель воспроизводства власти, когда субъектом принятия решения о том, кто будет следующим лидером, является власть, но не общество, при этом решение внутри власти (правлящей элиты) касательно кандидатуры «следующего» лидера принимается при относительном согласии. Все иные характеристики преемничества как модели воспроизводства власти (формальная процедура, бассейн рекрутирования преемника, его политический курс и т.д.) следует считать переменными параметрами в рамках этой модели.

Dedaco как мексиканский вариант преемничества

Феномен преемничества в Мексике существовал, как уже было сказано, в форме института *dedaco* – «указующего перста». Общая схема данной практики выглядела следующим образом: действующий президент при приближении окончания собственных полномочий «указывал перстом» на «достойного» занимать этот пост политического деятеля, который выдвигался официальным кандидатом на выборах от ИРП¹ и, безусловно, побеждал, становясь новым президентом, с тем чтобы по окончании собственного срока «ткнуть пальцем» в кого-то другого. Эту систему в мекси-

¹ Институционно-революционная партия – Partido de la Revolucion Institucional, с 1929 по 1946 г. НРП – Национально-революционная партия (Partido de la Revolucion Nacional).

канских СМИ шутивно назвали «дедократией» – «власть указующего перста» [Хачатуров, б.г.]. Почему в рамках нашего концептуального подхода эта практика является преемничеством? Для объяснения этого нужно отграничить ее как от типа воспроизводства власти, названного нами демократическим, так и от модели захвата власти в рамках элитистского типа.

Трудность первой задачи в эмпирическом исследовании состоит в том, что необходимо установить отсутствие субъектности народа в принятии решения о наделении президентской властью, т.е. зафиксировать, что исключительным мандатом на это решение обладает правящая элита. Ясно, что речь идет о сущностном факторе такого порядка, что у него не может быть однозначного эмпирического подтверждения. При этом оценка субъектности народа может оказываться острым политическим вопросом, раскалывающим общество. Кроме того, хотя народ в рамках нашей модели является единым субъектом, в реальности он таковым, естественно, не является, и необходимо говорить о разной степени субъектности разных частей народа. Тем не менее наличие или отсутствие электорального раскола общества, не являясь абсолютным свидетельством наличия или отсутствия субъектности народа, можно воспринимать как сильное свидетельство – особенно если оно сопровождается массовой конвенцией по поводу предрешенности / очевидности или непредрешенности / неочевидности результатов выборов.

Собственно именно это мы и наблюдаем в Мексике до начала 2000-х годов. На контрасте разница отчетливо видна и стороннему наблюдателю, и изнутри общества. В 2000 г. в борьбе за президентский пост столкнулись кандидат от Партии национального действия (ПНД) Фокс и преемник действующего президента представитель ИРП Лабастида. В результате *dedaco* не сработал: Лабастида набрал только 36% голосов против 43% голосов, которые избиратели отдали Фоксу. Спустя шесть лет на президентских выборах разница между кандидатами от ИРП и ПНД оказалась всего 0,46% голосов. Мексика раскололась надвое. До выборов в мексиканских СМИ появлялась информация о том, что Фокс ради гарантированного сохранения власти в руках ПНД готов «указать» на свою супругу в качестве кандидата от ПНД. Однако, как показали дальнейшие события, этого не произошло. И даже если считать

президента Кальдерона (2006–2012) преемником Фокса, то это уже точно не аналог преемников от ИРП, на которых указывали их предшественники. Доказательством тому является «электоральный раскол Мексики» 2006 г., демонстрирующий нам демократический тип воспроизводства власти.

До 2000-х годов выборы, напротив, носили сугубо фасадный характер. Уже к концу 1970-х годов в общественном мнении не только сформировалась, но и утвердилась такая картина выборов: назначенный кандидат, до того скрывааемый, выскакивает как «тролль из табакерки» («дестапе» – открытие крышки) [Боровков, Шереметьев, 1999, с. 169], затем проходят выборы, и он надевает ленту президента. «Тролль из табакерки» обычно появлялся из состава действующего правительства: в разные годы это были военные министры, министры внутренних дел, в дальнейшем министры энергетики и финансов. В более широком контексте бассейном рекрутирования преемников выступала «камарилья» (*camarilla*) – относительно закрытый для проникновения извне круг «людей власти», клиентела первого круга, которая окружала каждого партийного босса, касика, вплоть до президента [Cornelius, 1996, p. 515–516].

Мексиканскую политическую элиту отличала достаточно высокая степень гомогенности, поскольку в основном это были «столичные жители», рожденные или выросшие в Мехико, принадлежащие к «семьям политиков», получавшие лучшее образование в лучших университетах США и Мексики. Родственные связи и патрон-клиентские отношения, т.е. принадлежность к камарилье, могли открыть дверь во власть, а механизмом рекрутирования политической элиты были преимущественно структуры ИРП. Очевидно, что внутри этого круга при определении преемника происходили конфликты, но важно то, что обществу в итоге предъявлялся единый кандидат, которого поддерживала вся правящая группа. Поэтому о захвате власти внутри этой группы в большинстве случаев, видимо, говорить не приходится. А контрэлиты как значимые силы вышли на национальную арену только в 1990–2000-е годы в форме политических партий, что и привело к публичной политической борьбе и установлению демократического типа воспроизводства власти.

Мексиканский вариант преемничества воспроизводился несколько десятилетий, что позволяет проследить эволюцию этого феномена. В поисках политических предпосылок преемничества мы должны обратиться к 1876 г., когда генерал Порфирио Диас путем военного переворота сверг предшествующего президента, а спустя год решением Конгресса Мексики был назначен президентом страны. Его президентство продолжалось 34 года (1877–1881 и 1884–1911) с небольшим перерывом, когда Диас формально «отошел от дел», но фактически сохранял властный контроль. С 1910 по 1929 г. в стране развернулась «вторая мексиканская “революция”», в ходе которой сложился режим, получивший название «президентсиализм» (*presidencialismo*) [Blum, 1997, p. 29]. В 1917 г. была принята конституция, установившая, что главой государства является всенародно избираемый на шесть лет без права переизбрания президент. Эта норма – *sexenio* – была реакцией на длительный период диктатуры Порфирио Диаса. Лидеры Мексиканской революции и авторы новой конституции исходили из представления о том, что возможность для подобных диктатур, основанных на длительной узурпации власти, должна быть институционально блокирована.

Практика *dedaco* начинает складываться уже в 1920-е годы. Первую попытку «назначения» марионеточного президента предпринял президент Плутарко Элиас Кальес (1924–1928), который, оставив пост, вплоть до 1934 г. оставался неформальным лидером страны. Кальес сыграл важную роль в процессе «установления мира» и завершения революции. Он «стал гарантом порядка в неуправляемой стране, где конституционно установленные институты управления были крайне слабы и неэффективны» [Blum, 1997, p. 29]. Именно со времен президентства Кальеса глава государства становится не просто центральной политической фигурой, но также персонифицирует политику и политическую систему, а возможность определять кандидатуру следующего президента, очевидно, еще более усиливала роль президента. Применительно к этому периоду можно говорить о «персоналистской диктатуре» Кальеса. Соответственно, указующий перст работал иначе, нежели в более поздние времена: это был не обязательно перст действующего президента, так как последний выполнял волю неформального лидера Кальеса.

Тем не менее за неформальное лидерство развернулась острая борьба, и в определенный момент в ней победил Карденас, ставший в начале 1930-х годов партийным лидером, а в 1934 г. – президентом страны. Достаточно быстро, используя партийную машину и административную вертикаль, Карденас смог аккумулировать и консолидировать властные ресурсы в своих руках, в то время как Кальес был вынужден покинуть страну. Именно при Карденасе произошло изменение партийной основы режима. ИРП стала инструментом массовой кооптации общественных движений в ряды партии и превратилась в по-настоящему всеохватывающую организацию. Она включала в себя четыре «сектора»: 1) военный (в сущности, в его состав целиком вошли армейские подразделения под руководством генералов, активно участвовавших в политической жизни страны); 2) рабочий, представленный конфедерацией трудящихся Мексики; 3) крестьянский – национальная крестьянская конфедерация; 4) народный, организованный посредством индивидуального членства. Создание ИРП не означало ликвидацию оппозиционных партий, но они за несколько лет были лишены какой-либо возможности влиять на процессы эволюции политической системы страны. Кроме того, ИРП, в отличие от других партий, получала значительное финансирование из государственного бюджета, имела возможности контролировать федеральные и региональные СМИ. Постепенно партия стала сливаться с государственными структурами, чему способствовала и идеология, построенная на идеалах продолжения революции, которую партийные лидеры характеризовали как перманентную и продолжающуюся институциональным путем. Следует отметить, что в этой системе ИРП «являлась мощнейшей избирательной машиной» [Боровков, Шереметьев, 1999, с. 169]: имея разветвленную партийную организацию, которая связывала все три уровня государства и общества – общенациональный, региональный и местный, партия власти была способна раскручивать «указанного» кандидата и проводить его успешно на выборах.

Статус Карденаса как неформального лидера партии, восприятие обществом главы государства как вождя, лидера, позволяли ему практически единолично выдвигать кандидатов на должности губернаторов штатов, глав муниципий, а также своего преемника. Эту позицию Карденас сохранял достаточно долгое время и после

своего *sexenio*: несколько президентов после него в 1940–1950-е годы воспринимались как его ставленники, а сам Карденас занимал официальные правительственные должности, т.е. формально оказывался в подчинении у своего ставленника. Так, в правительстве своего непосредственного преемника Мануэля Авила Камачо он получил пост военного министра.

Однако со временем (видимо, в 1950–1960-е годы, более точная фиксация не входит в наши задачи) происходит переход от персонифицированного преемничества к деперсонифицированному. Этому способствовали разные факторы, в том числе и постепенное увеличение количества отставных президентов, и необходимость учитывать позицию действующего президента, который обладал колоссальными полномочиями, но при этом не мог изменить конституционную оговорку по поводу одного срока. В результате сформировалась в некотором смысле «система сдержек и противовесов», и институт *dedaco* стал ее составной частью. В целом, решение о преемнике принималось после согласований в кругу высшего слоя правящей политической семьи, организованной в ИРП.

Подтверждение перехода от персонифицированного к деперсонифицированному преемничеству (которое было одновременно и его условием) можно увидеть в том, как меняется практика определения содержания политического курса нового президента. В ранний период преемник даже если и менял курс, эта смена согласовывалась с патроном. Например, преемник Карденаса Камачо с его же ведома взял курс на консервацию социальных реформ, поскольку дальнейшее реформирование аграрного сектора и социальной сферы в духе идей и лозунгов революции входило в противоречие с интересами правящего класса. В дальнейшем решающим фактором определения курса нового президента и степени его преемственности курсу старого президента становится противостояние внутри партии между двумя ее полюсами – консервативной группой и группой левых. При этом переговоры о преемнике, проходившие в высших партийных кругах, зависели и от позиций этих партийных групп, и текущей политической ситуации. Например, переломным для мексиканской политической истории стал конец 1960-х годов. «Левый бунт» не прошел мимо Мексики, и страну охватили студенческие волнения, началось движение женщин за экономические и социальные права. Президент Диас Ордаса про-

водил жесткую экономическую политику и взял курс на подавление и разгон демонстраций, аресты и преследование оппозиции. Все это вызвало широкое недовольство и, в частности, выразилось в падении явки на выборы, которые ИРП воспринимала как важный легитимирующий механизм. В результате компромисса внутри ИРП и в целях самосохранения в 1970 г. было принято решение о досрочной отставке Диаса Ордаса. Его преемник Луис Эчеверрия был, безусловно, компромиссной фигурой. Став президентом, он приступил к реализации левого экономического курса, объявил политическую амнистию и первый раунд электоральной реформы.

Для нас это показатель того, что сформировавшаяся система оказалась достаточно гибкой и способной реагировать на внешние вызовы, т.е. совместить преемственность (в плане сохранения политического статус-кво) и обновление политики. Другое дело, что постепенное изменение политики привело к появлению институциональных условий, которые создавали препятствия для преемничества. С 1970-х по 1990-е годы путем внесения поправок в конституцию в несколько этапов прошла электоральная реформа. Произошло изменение правил формирования представительных органов власти, финансирования государством политических партий, правил доступа оппозиционных партий к выборам, вывод Федерального избирательного института¹ из-под контроля президента и введение в его состав в 1990-е годы диссидентов и представителей политической оппозиции. Все это способствовало качественному изменению политической системы, на смену однопартийной системе пришла трехпартийная, а институт dedaco стал ослабевать и фактически перестал действовать в 2000-е годы.

Таким образом, можно видеть, что эволюция механизма передачи власти в Мексике прошла через несколько последовательных стадий: от диктатуры и революции с насильственным решением вопроса даже не столько о власти в стране, сколько о политической конфигурации страны как таковой, через персонифицированное и деперсонифицированное преемничество к демократическому способу воспроизводства власти. Из множества факторов, определивших эту эволюцию, одним из ключевых было изменение некото-

¹ Федеральный избирательный институт – аналог российского Центризбиркома.

рых качественных характеристик социального состава общества, что имеет отношение к вопросу о его возможной субъектности. Начало описанной эволюции лежит в почти традиционном, аграрном и неурбанизированном обществе. В современной Мексике почти 80% населения живет в городах, и уровень грамотности превышает 90%. Не вызывает сомнений, что эти и прочие перемены социальной среды повлияли на изменение механизмов воспроизводства власти, прежде всего, через появление социальных групп и слоев, которые в силу образования, доходов и форм их получения, стиля жизни и прочих социальных характеристик: а) способны критически отнестись к восприятию и действиям власти, б) не поддаются кооптации доминирующей партией, в) могут быть социальной базой и/или источником ресурсов для политических сил, оппозирующих доминирующей политической силе.

Преимущество по-российски

Собственно, именно качественный состав общества выступает важнейшим фактором, определяющим сходство и одновременно отличие контекстных условий российского преимущества от мексиканского *dedaco*. Уровень развития современного российского общества (в смысле удаленности от традиционного аграрного общества) как минимум не ниже уровня развития современного мексиканского общества, а в некоторых отношениях и выше. И уж тем более по этому параметру Россия сильно отстоит от мексиканского общества 1920–1930-х годов, когда начал формироваться институт *dedaco*. Тем не менее в современной России мы наблюдаем феномен преимущества, поэтому ключевой вопрос, который необходимо сформулировать к российскому случаю на основании мексиканского опыта, следующий: можем ли мы в России увидеть некие закономерности в изменениях воспроизводства власти, связанные с понятием преимущества, например эволюцию феномена преимущества, аналогичную эволюции мексиканского *dedaco*?

При ответе на этот вопрос мы сталкиваемся с серьезной сложностью, ограничивающей возможности анализа и ставящей под сомнение релевантность его результатов. Сложность заключается не только и не столько в том, что феноменология российского преимущества продолжает разворачиваться на наших глазах. Под

большим вопросом, например, находится политическая судьба Д. Медведева, которая, конечно, интересна не в персональном отношении, а как часть публичного соглашения по поводу «передачи президентской власти», заключенного осенью 2011 г. Характер этой передачи может выглядеть и быть разным в зависимости от того, как будет выполняться соглашение. Но, повторимся, дело не только в том, что процесс еще продолжается. Важнее то, что под вопросом находится само преемничество как *российский* феномен. Все три случая смены власти, которые можно рассматривать под углом зрения преемничества, связаны с персоной одного человека – В. Путина. Дважды преемником был он, один раз он «указывал перстом», и у него есть шанс сделать это еще раз. Поэтому, может быть, речь необходимо вести не об эволюции феномена российского преемничества, а о персональной политической эволюции одного конкретного человека? В этом тезисе есть доля спекуляции на пустом месте. Понятно, что Путин действовал в предлагаемых обстоятельствах, в некотором горизонте возможностей и ожиданий, которые, безусловно, были российскими, а не его собственными. Но, думается, невозможно игнорировать сильную персональную окраску рассматриваемых процессов и особенно того выбора, который был сделан осенью 2011 г.¹

Если смотреть на все три российских случая смены власти, имеющие отношение к преемничеству в целом, невозможно не отметить, что все они очень разные. Рассматривая их последовательно и используя в качестве рамок анализа две обозначенные в концепте оппозиции (демократический – элитистский тип воспроизводства власти и преемничество – захват власти как модели внутри элитистского типа), получаем следующую картину.

Случай 2000 г.: Ельцин – Путин. Казалось бы, здесь имело место прямое персональное «указание на преемника», но, как представляется, у Ельцина и его команды не было исключительного – в обозначенной выше логике – мандата на определение персоны будущего президента в силу собственной слабости (легитимационной и электоральной). Власть и, что важнее, право властвовать «не стекли» с перста прежнего президента на преемника. Напротив,

¹ Г. Павловский прямо говорит о том, что в тот момент «снесло крышу» [Павловский, 2012].

структура решения о персоне нового президента содержала два этапа, что характерно для демократического типа воспроизводства власти. Иначе говоря, были приняты два разных решения: а) персональное решение Ельцина (его команды) о Путине, б) субъектное утверждение этого решения народом. На субъектность народа косвенно указывают и результаты выборов: у Путина всего на три процентных пункта выше 50%, у Зюганова – почти 30%. Это значит, что в глазах десятков миллионов избирателей результат выборов не был predetermined заранее – по крайней мере окончательно. Соответственно, Путину и его команде пришлось приложить серьезные усилия к тому, чтобы убедить народ в собственном праве на власть, как и положено в демократическом типе.

Можно привести два возражения на такую интерпретацию. Первое связано с качеством субъектного решения народа, которое можно воспринять как низкое: был выбран «чертик из табакерки» (почти или даже прямо как мексиканский тролль), не имевший никакой репутации, и выбран он был на очевидном отрицании прошлого. В каком-то смысле это была новизна ради новизны. Но желание новизны само по себе еще не элиминирует субъектность того, кто ее желает. Второе возражение состоит в том, что хотя право на властвование передано не было, кое-что важное преемник получил, а именно пост / позицию, без которого право на власть почти наверняка получено бы не было. Последнее, собственно, и есть принципиальная структурная особенность российских случаев смены власти: человек со стороны (аутсайдер государственной системы) почти не имеет шансов стать президентом. По крайней мере так было до сих пор¹, и пока эта особенность будет сохраняться, будет продолжаться и государственное или *статусное / позиционное преемничество* даже с элементами демократического типа воспроизводства власти.

Случай 2008 г.: Путин – Медведев. Если рассматривать данный случай обособленно, то это – типологически самый чистый образец персонифицированного преемничества. Здесь имели

¹ Ближе всех в 1996 г. был Зюганов. Случай Ельцина в 1991 г. представляется особым, потому что тогда речь шла не о воспроизводстве власти в рамках существующих и сохраняющихся страны и государства, а фактически об учреждении новой власти в новых стране и государстве.

место и персональный выбор¹, и прямое персональное указание на преемника, в результате которого президентская власть «стекла» с перста прежнего президента на его креатуру. Это было возможно потому, что Путин обладал безусловным исключительным мандатом на определение персоны нового президента. Это было очевидно всем, и это никто не ставил под сомнение (в результате Медведев даже обошел по абсолютному числу голосов Путина образца 2004 г. – 52,5 млн. против 49,5 млн.). Соответственно, решение народа на выборах было сугубо процедурным.

Тем не менее важный вопрос к этому случаю остается: а была ли на самом деле передана президентская власть? Или имела место техническая передача места, как способ реализовать конституционное ограничение о невозможности занимать президентский пост третий срок подряд? Нужно заметить, что сама норма очень напоминает мексиканскую *sexenio* – шестилетний срок президентства без права переизбрания. Но при анализе мексиканского случая мы пришли к выводу о том, что по крайней мере в период устоявшегося *dedaso* президенты не были местоблюстителями и марионетками, а были самостоятельными политиками. Если же в России в 2008 г. была техническая передача места, а не власти, то имеет ли смысл вообще говорить в данном случае о воспроизводстве власти? Ведь оно (воспроизводство), как уже было сказано в начале статьи, в полноте своего смысла обязательно содержит функцию обновления политики и курса, что и связывается с появлением новых персон. Или в данном случае мы имеем некую разновидность преемничества, которую можно условно обозначить *техническим / формальным преемничеством* как форму технического / формального воспроизводства власти, а ее в свою очередь можно рассматривать в противопоставлении качественному воспроизводству вла-

¹ Вот как описывает это Игорь Юргенс, работавший в команде Медведева: «Обоим (Д. Медведеву и С. Иванову) выделили абсолютно хронометражно идентичное время на всех четырех телеканалах, в СМИ, выделили людей. Они поехали по России. Персональных столкновений – да, не было, но это все воспринималось как праймериз. И каждый из них вообще-то должен был царю доказать. И в какой-то момент у Путина в голове, как я понимаю, сложилась такая история: а давайте-ка мы попробуем этот диалог с либералами здесь и с Западом там, который у тебя, Дмитрий, лучше удастся, чем у Сергея Борисовича в силу совершенно понятных институциональных связей» [Юргенс, 2012].

сти? Чтобы двинуться в рассуждении, нужно перейти к третьему случаю¹.

Случай 2012 г.: Медведев – Путин. Наличие «указующего перста» (24 сентября 2011 г. на съезде «Единой России») не подлежит сомнению, но несомненно и то, что Медведев ничего Путину не передал: ни власть или право властвования, ни пост / позицию, ни какие-либо инструменты для обретения власти. Единственное, что Медведев сделал – это уступил дорогу. Это важное обстоятельство, однако оно, прежде всего, имеет отношение к личности самого Путина², хотя, конечно, и к формату передачи власти тоже.

Решение внутри правящей элиты очевидным образом сопровождалось обостренной борьбой разных элитных групп, которая несколько по-разному описывается людьми, знакомыми с ситуацией лучше многих и готовых об этом публично говорить³, но в главном они сходятся. При этом, возможно, имел место и личный страх самого Путина за место, и даже что-то большее⁴, и в результате

¹ Относительно случая 2008 г. оптимальная интерпретация, скорее всего, состоит в отбрасывании крайних вариантов. То есть власть была передана, но *как бы* не целиком – не на всю глубину или не по всему фронту. Не стоит забывать и об идее тандема как форме властного транзита. При всем скепсисе в отношении этой идеи нельзя не принимать в расчет, что многие воспринимали тандем как действительный шанс.

² Вопрос: «Вы считаете, что Путин был готов к тому, что они оба идут на выборы?» Ответ: «Я не думаю, что в характере Владимира Владимировича ходить куда-то вдвоем» [Юргенс, 2012].

³ «Представляю себе, как кто-нибудь приходит к премьеру и говорит: “Владимир Владимирович, ну совсем обалдел. Он кого слушает, он какие указания дает? Он развалит всю нашу судебную, правоохранительную систему. А вы смотрите, чего с америкосами-то? Они список по нам (список сенатора Кардина по делу Магнитского), “упрощенкой” грозят – не только визы, но блокирование счетов и замораживание авуаров”... Ну, представляете себе реакции!» [Юргенс, 2012]. «Было, как я думаю, несколько когорт, обязанных Путину своим положением и благосостоянием, которые толкали его. Они задавали себе простой вопрос: если не Путин, то их капиталы гарантированы или нет? Я поэтому, как маньяк, находясь тогда около администрации, в диалоге с администрацией все время говорил: Медведев должен найти способ дать гарантии “коллективному Путину”. Но Медведев считал, что президент выше этих пустяков» [Павловский, 2012].

⁴ «Ну а кроме того, Путина пугали мифом о том, что Медведев готовится его снять. А Медведева – что Путин чуть ли не двинет полки на Москву, если это произойдет... Вопрос: Вы полагаете, у Путина были основания ожидать, что на пресс-конференции Медведев мог объявить о том, что пойдет на второй срок?»

Медведеву, видимо, «выкрутили руки»¹. Но все же о модели захвата власти в данном случае говорить не приходится, потому что речь не идет о действиях контрэлиты, публично была предъявлена единая позиция, и кроме выкручивания рук, медведевское согласие, так или иначе (непонятно по чьей инициативе и на каких условиях), было выкуплено постом главы правительства.

Однако самое важное в этом случае, на наш взгляд, это то, что, поскольку Медведев Путину ничего не передал и передать был неспособен, а мог только уступить дорогу, то все остальное – т.е. вновь доказывать народу свое право на власть – Путин должен был и сделал сам. Возможно, в его команде существовало убеждение, что стоит только обозначить возвращение на президентский пост, все решится само собой и, если говорить в нашей терминологии, к самому Путину вернется исключительный мандат на определение персоны нового президента. Но этого не произошло, и Путину пришлось вести настоящую кампанию, главным элементом которой стал акцент на политический раскол общества – на «мы» и «они». Это, разумеется, сказалось на очевидном росте субъектности народа. Причем, возможно, не только и даже не столько той его части, которая была против Путина, сколько той, которая голосовала за Путина. Согласно некоторым оценкам, Путин получил голосов больше, чем если бы в его кампании не было такого очевидного упора на политизацию общества. Невозможно было не заметить, что Путин вел кампанию не против своих «официальных противников», а против сознательно сконструированного противника, единого во многих лицах. Мобилизационные усилия привели к тому, что в «борьбу» с этим противником вступила и часть общества. В результате не только голосование «против», но и голосование «за» было в более высокой степени сознательным и осмысленным выбором из альтернатив. Тем не менее не очевидно, что возросшая субъектность народа позволяет говорить о том, что мы

Ответ: Да, как минимум. Если не одновременно сказать: «Меняю правительство» [Павловский, 2012].

¹ «Что? Компромат? – Не знаю. Думаю, просто у каждого человека есть свой болевой порог» [Юргенс, 2012]; «есть фактор “икс”, который привел их обоих к лету прошлого года в психически нестабильное состояние. Что и закончилось августовским Сочи, из которого вывалились два человека с сильно измененным сознанием» [Павловский, 2012].

имеем перед собой реализацию демократического способа воспроизводства власти. Даже среди противников Путина царила почти всеобщая уверенность в его безусловной победе. И многие полагают, что Путин напрасно акцентировал раскол, этого и не требовалось для победы.

В общем, картина получается совершенно парадоксальной. В акте воспроизводства российской президентской власти, достигшем кульминации в марте 2012 г., причудливым образом пересеклись элементы демократии, преемничества и, возможно, захвата власти. Этот парадокс в рамках нашего концептуального подхода можно разрешить, если добавить исследовательскому ракурсу глубины, т.е. рассмотреть случай 2012 г. не отдельно, а совместно со случаем 2008 г. Если взять их как целое, т.е. не как отдельные события, а как цикл воспроизводства власти, то здесь возможны две логики. Одна приведет нас к тому, что раньше мы обозначили как техническое или формальное преемничество – воспроизводство власти без действительного воспроизводства. Другая окажется сложнее, и в соответствии с ней необходимо будет признать, что сконструированные в рамках концепта преемничества модели воспроизводства власти более или менее адекватно работают лишь в условиях устойчивого (прямолинейного, без срывов и турбулентности) общества. И тогда парадоксальность данного цикла воспроизводства российской власти будет говорить нам о том, что российское общество вступило в «полосу перемен». При этом одной из причин этого стал характер запущенного властью цикла собственного воспроизводства.

Литература

- Боровков А., Шереметьев И.* Мексика: На новом повороте экономического и политического развития. – М.: ИЛА РАН, 1999. – 283 с.
- Гарань А.* Украина: Плюрализм «по умолчанию», революция, термидор // Pro et Contra. – М., 2011. – № 3–4. – С. 62–77.
- Гуляева А.Г.* Институт преемника в современной России: Региональный аспект // Вестник Пермского ун-та. Серия Политология. – Пермь, 2011. – Вып. 4. – С. 42–59.
- Дабагян Э.* Указующий перст. – Режим доступа: <http://www.og.ru/articles/2006/11/24/18835.Shtml> (Дата посещения: 10.06.2011.)

- Малашенко А.* Обреченные на вечность и прозябание // Pro et Contra. – М., 2011. – № 3–4. – С. 78–95.
- Мяленко Ю.В.* К вопросу о применимости концепта «преемничества» к локальному уровню // Вестник Пермского ун-та. Серия Политология. – Пермь, 2011. – Вып. 4. – С. 60–74.
- Павловский Г.* Привычка к обожанию у Путина возникла раньше // The New Times. – М., 2012. – 26 марта, № 11. – Режим доступа: http://newtimes.ru/articles/detail/51440?sphrase_id=749484 (Дата посещения: 04.04.2012.)
- Панов П.В., Сулимов К.А.* Преемничество как способ воспроизводства власти: Проблемы концептуализации // Вестник Пермского ун-та. Серия Политология. – Пермь, 2011. – Вып. 4. – С. 31–42.
- Хачатуров К.* Мексика: Политическая система и экономическая интеграция. – Режим доступа: <http://geo.1september.ru/articlef.php?ID=200501103> (Дата посещения: 10.06.2011.)
- Попеску Н.* Хрупкий плюрализм // Pro et Contra. – М., 2011. – № 3–4. – С. 50–61.
- Рябов А.* Распадающаяся общность или целостный регион // Pro et Contra. – М., 2011. – № 3–4. – С. 6–18.
- Юргенс И.* Мы проиграли охранителям (интервью) // The New Times. – М., 2012. – 5 марта, № 8. – Режим доступа: http://newtimes.ru/articles/detail/50506?sphrase_id=749480 (Дата посещения: 23.03.2012.)
- Blum R.* The weight of the past // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 1997. – Vol. 8. – N 4.
- Cornelius W.* Mexican politics in transition: The breakdown of a one-party-dominant regime. – San Diego: Univ. of California, 1996. – 119 p.